

Утро субботы, что я провела в университете, пронеслось для меня словно ураган. До приезда родителей оставался один день — этот, который я полностью распланировала. Сейчас я со всех ног спешила на подработку в ресторанчик, чтобы явиться туда раньше, чем нужно, и попросить о том, чтобы меня отпустили до конца рабочего дня. Как никак, мне не хотелось показывать родителям свой творческий беспорядок, которого они бы точно не поняли, только заявив о моей неряшливости и безответственности, поэтому вечером мне обязательно нужно было убраться в квартире. Я понимала, что могла бы сделать это утром следующего дня, но ещё я понимала, что совсем не имела и малейшего понятия о том, в какое же именно время собирались явиться ко мне мои родители.

Наконец добравшись до ресторана и незаметно пробравшись мимо его управляющего на кухню, я быстро переоделась и приготовилась к работе, а затем, как ни в чём не бывало, с лёгким волнением направилась просить раннего освобождения.

Сначала, скептически уставившись на меня, управляющий сомневался, не хотел отпускать раньше времени, но через несколько минут передумал только благодаря моему хитрому и немного глупому плану под названием «Приди пораньше, побудь хорошей девочкой, и у тебя будет больше шансов». Мысленно прыгая от радости, я вернулась на своё рабочее место, хоть и на самом деле радоваться было нечему: страх всё ещё мурашками бегал по моей коже, заставляя моментами вздрагивать и сильно волноваться.

Рабочий день прошел так же быстро, как и пары в университете сегодня. Я уже возвращалась домой и, что можно было легко предсказать, у порога встретила Дариана, который улыбался мне во весь рот, как маленький наивный дурачок. Благодаря этой улыбке я вспомнила, как во время нашей первой встречи перепутала плач этого юноши с плачем маленького мальчика, поэтому еле слышно захихикала, а спустя несколько секунд резко поникла, поняв, что в этом не было ничего смешного: в человеческом плаче вообще не было ничего смешного.

Всю дорогу домой я радовалась, что не буду убираться одна, что Дариан будет помогать мне, но после того, как я увидела его, вспомнила, что даже если бы он очень сильно захотел мне помочь — не смог бы. Поэтому я убиралась одна, а голубоглазый парень просто ходил за мной по пятам и показывал грязные или пыльные места, что безумно меня раздражало. Эта его раздражающая деятельность закончилась очень скоро, потому что после нескольких минут произошла неловкая ситуация.

Я вытирала пыль со шкафов, стоя на стуле, а Дариан, даже когда я не смотрела, озвучивал и тыкал пальцем в те места, где видел хоть немного пыли, словно специально издевался надо мной. На этот раз это были полки тех шкафов, что я вытирала. Окончательно взбесившись, я слезла со стула и резко развернулась, приготовившись закричать на парня, после чего моё лицо оказалось всего лишь в нескольких сантиметрах от его лица. Я вновь увидела вблизи те самые голубые глаза, манящие губы и всё то, что я изображала на своей картине, даже намного красивее. Мои щёки покрылись лёгким румянцем, и все это происходило в доли секунды. Я понимала, что Дариан, который смотрел мне в глаза с ухмылкой, но уже более искренней, не собирался отходить: ждал, пока это сделаю я. Спустя ещё несколько секунд моя страсть переменилась прежней раздражительностью, на этот раз смешанной со смущением. Я миготом отбежала от юноши и продолжила заниматься уборкой, с румянцем на щеках вспоминая всю ситуацию.

После этого происшествия я не видела его в комнате, в которой находилась: наверное, он добился того, чего хотел, и просто ушёл в другую. Но я считала, несмотря ни на что, что так было даже лучше, потому что удобства было находиться с ним в одной комнате я уже не чувствовала.

Так и прошла наша уборка.

Свое воскресное утро я также провела без Дариана. Я была удивлена, что он не показывался мне на глаза, ведь привыкла видеть его у себя дома постоянно последнее время. С одной стороны, это меня расстраивало (а расстройство пугало), но я примерно понимала причину отсутствия этого наглого, но в то же время прекрасного до чертиков юноши.

Вот-вот должны были приехать родители. Вчерашним вечером я убирала всю квартиру, а сейчас старалась очень красиво накрыть на стол, готовила разные блюда, которые когда-то в прошлом нравились родителям. Признаться честно, готовила я не слишком хорошо, но моих навыков должно было хватить, чтобы хоть как-то очаровать их (по крайней мере, я надеялась на это). Волнение каждую минуту охватывало все сильнее. Сначала оно вызвало мурашки по телу, после лёгкую дрожь, а остановилось на сильной тряске и головной боли. Мне нельзя было так сильно беспокоиться, потому что подобное чувство было, в прямом смысле этого слова, мне противопоказано врачами: негативные эмоции влияли на моё больное сердце. В возрасте пяти лет мне делали тяжёлую операцию на него. Так как я была очень мала, никто даже и не собирался рассказывать мне о моей болезни, да и вряд ли бы я поняла что-либо тогда. Но шли годы, я выросла, только так и не узнала ничего о своей сердечной болезни. После операции мама с папой решили сжечь мою медицинскую карту, а врачам с того момента всегда выдавали нелепые причины заведения новой. Я, будучи повзрослевшим ребёнком, пыталась узнать причину такого поступка, но вскоре поняла, что мама просто не хотела всячески вспоминать о проблеме моего здоровья, которую вовремя успели устранить. Дело было в том, что моя бабушка по линии матери умерла от этой болезни, а мне она передалась по наследству. Узнав это однажды, я успокоилась и больше не интересовалась подобными вещами.

Закончив украшать стол, я наконец решила полежать на диване, но не прошло и пяти минут моего отдыха, как я услышала несколько звонков в дверь подряд. Волнение вновь переполнило меня. Я мысленно досчитала до десяти, дабы хоть немного успокоиться, а затем дрожащими руками открыла дверь.

— Эмма? Здравствуй. Ты так изменилась с нашей последней встречи. — Произнесла мама, первой переступив порог моего жилища. Примерно десять секунд я стояла в недоумении, а после мысленно произнесла грубую фразу: «конечно я изменилась, ты ведь совсем не интересовалась моей жизнью долгое время», но ей ответила, конечно же, далеко не так.

— Здравствуйте, проходите.

Родители мелькали прямо передо мной, раскладывали свою одежду, а я просто стояла и внешне безэмоционально наблюдала за ними. Намного раньше я, будучи маленьким ребёнком, бежала бы из своей комнаты, не скрывая радости, чтобы обнять маму и папу, но сейчас в одной комнате со мной находились совершенно чужие мне люди, которых я не знала и будто видела

впервые.

— Мы привезли тебе розовый свитер, но мне кажется, что он будет немного мал...сколько тебе уже лет?

— Мне восемнадцать.

— Ты стала совсем взрослая.

После этой фразы я украдкой взглянула на мать и увидела в её глазах искреннее сожаление, а затем опустила голову и уставилась в пол.

— Наверное... — Тихим голосом ответила я.

В комнате повисло молчание. Я не могла полностью верить всему, что происходит, а тем более, не могла доверять. Через какое-то время я просто позвала гостей за стол и сама села вместе с ними. Во время трапезы мы почти не переговаривались, даже не смотрели друг на друга, а голоса папы за время встречи я вообще не услышала ни разу. Он, как и обычно, снаружи выглядел непробиваемым и крепким, закрытым на замок, ключа от которого я не имела. Дабы понизить степень неловкости, мама начала пытаться создавать подобие семейного разговора, спрашивая меня о жизни, работе и обо всём, что могла вспомнить; делала вид, что ей было всё это интересно.

— А друзья? Сколько у тебя друзей?

— У меня нет друзей. Я со всем справляюсь сама.

— Совсем никого?

— Наверное...

— А питомца завести не планируешь? Не любишь животных?

— Планирую, но пока нет возможности и времени.

— Ну а...рисунки хоть покажи, если ты не против.

— Хорошо, сейчас. Подожди.

Через минуту я стояла в комнате, едва удерживая равновесие. Внутри меня всё сжималось...она даже не знала, сколько мне лет! Слёзы накатывались на глаза, но я не могла плакать сейчас. Я должна была быть сильной и показать, что научилась жить и без заботы и опеки родителей. Ещё через какое-то время, собрав все силы, я взяла пару рисунков из специальной папки, среди которых был и недавний портрет Дариана, и направилась обратно к столу, где меня ждали родители, моментами взволнованно переглядываясь между собой. Пройдя ещё пару шагов, я села на стул и демонстративно положила перед родителями выбранные рисунки, после чего мама взяла их в руки и начала внимательно рассматривать.

— Это выглядит подобающе художнику. — Безэмоционально сказала она, посмотрев какое-то время на первый рисунок, пейзаж, списанный с прекрасных видов с моего любимого места в городе, а следом увидела тот самый портрет темноволосого призрака и замолчала, начав

рассматривать его дольше остальных, но в какой-то момент резко перевела взгляд на меня и с живым интересом спросила:

— Эмма, ты влюблена в кого-то?

Я, признаться честно, смутилась, услышав этот неожиданный вопрос, но что ещё более странно, даже задумалась над ним.

— Ну... — Хотела начать я, но мама перебила меня, поясняя тем самым свой вопрос.

— Этот рисунок особенный. Не уверена, но я думаю так. Ты вложила в него много чувств, полагаю. Этот парень очень красив. Может, именно он тебе нравится?

Внезапно все замерло. Да, во время этой встречи с родителями такое случалось уже и не раз, но именно сейчас всё было по-особенному. Сквозь тишину я почувствовала стук своего сердца, а я ещё я почувствовала непонятную слабость, но благодаря этому в этот момент до меня дошло кое-что важное:

— Да... — И вокруг все словно сменило цвета на более яркие, а я невольно улыбнулась. — Он нравится мне.

<http://tl.rulate.ru/book/27925/585860>